

*Посвящаю Энтони,
моему сообщнику,
соавтору, мужу,
лучшему другу*

25 июля 1969 года

Время летело слишком быстро в последнюю ночь, которую они провели вместе.

Сестры были охвачены трепетом предвкушения, спускаясь на цыпочках по лестнице, которая скрипела уже сотни лет. Девочки любили эти украденные у сна ночи, хотя в то же время и страшились их. Не страшилась только самая старшая, которая вообще мало чего боялась, как бывает только с семилетними детьми, обладающими темпераментом под стать их огненным волосам.

— Тсссс! — сказала мама, стоящая у подножия лестницы, и в ее голосе словно промелькнула улыбка.

Сестры прокрались вслед за матерью по дому, босяком, одетые только в ночные рубашки, и застыли, зайдя в кухню, полную теней. Самая младшая захныкала.

— Тише, цветочек мой, — прошептала мама, быстро подняв малышку и крепко обняв ее.

На стенах огромной кухни в лунном свете блестели медные кастрюли, оставшиеся здесь с минувшей эпохи, образуя на плитах пола мозаику из бликов. Крепкие запахи сушеных розмарина и шалфея, казалось,

скукоживали время, пока девочки ждали, едва дыша. Они прислушивались к дому.

Тишину разорвал булькающий храп.

— Поспешите! — прошептала мама, выталкивая девочек в ночь.

Сад был окутан полной напряжением дымкой из света и тени, луна бросала блики на каждый листок и омывала лепестки душистой жимолости и остро пахнущей горчицы. Древний дуб во дворе трепетал в своем горделивом великолепии и отбрасывал рассеянную тень на землю под вздыхающим ветерком.

Мама скользила по саду в своей белой ночной рубашке, похожая на призрак и такая красивая, что смотреть на нее было больно до слез. Она остановилась около сарая, сплошь увитого лозами луноцвета, толстыми стеблями, узловатыми от возраста, с белыми туго свернутыми цветами, похожими на спиральные свечи.

И подняла руку.

Девочки напряглись от запретного возбуждения, но ни одна из них не ерзала и не шебуришала. Вокруг вновь воцарилась тишина, становящаяся все глубже, пронизанная ожиданием. Но мама ждала не двигаясь и даже не колыхаясь, как это с ней порой бывало. Ночная рубашка стягивала ее тело, худое и сгорбленное, как будто она была намного старше своих двадцати шести лет, что было вызвано слишком большим количеством беременностей за слишком короткое время со слишком раннего возраста.

Но затем под взглядами девочек мама выпрямилась, с каждым глубоким вдохом сбрасывая с себя груз пережитых невзгод и становясь похожей на ту моло-

дую женщину, которой она могла бы быть, если бы жизнь обошлась с ней иначе, менее жестоко.

Девочкам стало не по себе, на их обнаженных руках выступила гусиная кожа, несмотря на то, что эта июльская ночь была такой же жаркой, как и эти долгие ленивые летние дни. Ибо в теплом воздухе раздался тихий шепот, в котором звучало древнее знание растений, причитание давно почивших женщин семейства Туэйт, более древнее, чем усадьба Туэйт-мэнор, и такое же древнее, как окружающий ее лес Лоунхау.

— Луноцвет озарится, и в ужасе узришь ты смерть свою, — шептали девочки вместе с мамой. — Луноцвет озарится, и в ужасе узришь ты смерть свою. Луноцвет озарится...

Под взором луны спиралевидные цветки раскрылись, превратившись в крупные бледные колокольчики. Распускание было быстрым, и цветки запульсировали холодным свечением, испуская приторно-сладкий аромат.

Девочки, следуя примеру матери, вдыхали благоухание луноцвета, меж тем как над его цветками, привлеченные их волшебным смертоносным нектаром, словно болотные огоньки, кружили белые, как саван, мотыльки.

В их поклонении луноцвету было что-то первобытное, что-то ведьмовское, тайное и запретное. В своей детской невинности сестры упивались этой таинственностью, упивались заговором против Него, упивались мурашками, бегающими по их спинам, от страха, что Он может в любой момент пробудиться от пьяного сна и обнаружить, что презираемые дочери и жена поклоняются растению, которое может

ШЕНОН МОРГАН

убить его, если он зайдет слишком далеко и переполнит чашу терпения мамы. Знание о смертельном яде, которое таила в себе эта белая ночь, давало немалую силу.

Время летело слишком быстро в последнюю ночь перед ее смертью.

Глава 1

Густой чай. Чай, от которого могут потемнеть зубы. Хороший, крепкий. Китайский, предпочтительно улун. Такой лучше всего подходит для гадания.

Фрэнсин Туэйт отсчитала тридцать секунд, быстро выпила чай, три раза махнула чашкой налево и направо, опрокинула ее на блюдце, чтобы стекли остатки влаги, затем перевернула опять и вгляделась в чайные листья на ее дне. Когда-то это была белая чашка, но теперь она потемнела от многих и многих гаданий. Фрэнсин терпеть не могла эти чашки с дурацкими символами, которые она видела в магазине подарков в Хоксхеде. Их покупают только туристы и идиоты, что одно и то же.

Она прищурилась, ища знаки. Гадание на чайных листьях было временем вдумчивого созерцания, и главным тут было не то, что такое гадание дарило ей покой, а то, что она занималась им всю свою жизнь.

В открытую дверь кухни ворвался порыв ветра, и фарфоровая лошадка медленно заскользила по наклонившейся полке старого буфета.

Фрэнсин сердито посмотрела на нее.

— Бри, я же говорила тебе сто раз: оставь фарфор в покое! Я не возражаю, когда ты валяешь дурака, забавляясь с мебелью, но не трогай безделушки.

Лошадка остановилась, и в воздухе вокруг нее возникло ощущение недовольства, как бывает, когда маленькая девочка капризно топает ногой.

Фрэнсин прикусила губу, чтобы скрыть улыбку, когда стул, стоящий на противоположной стороне обеденного стола, скрипя, медленно поехал по плитам пола, и в воздухе возникло ощущение завороченного сосредоточения.

— На этот раз чайные листья мало что говорят, — сказала она Бри. — Тут есть что-то вроде букв «С» или «G», а также ножницы, скособоченное сердечко и крест... Что ты на это скажешь? Я не знаю никого, чье имя начиналось бы на «С» или на «G».

Со стола поднялась чайная ложка и постучала по чашке.

— Старый Чарли¹ не в счет, — продолжала Фрэнсин. — Ему не меньше ста лет, и я знаю его всю жизнь. Вряд ли листья говорят о нем.

Ложка постучала по чашке в знак согласия.

— Ну, кто бы это ни был, у меня с этим человеком произойдет ссора, хотя она, скорее всего, не будет серьезной, ведь половинки ножниц сдвинуты не очень близко. Наверное, мы просто наговорим друг другу резких слов, да?

Крест навел Фрэнсин на мысли о кладбищах. Она терпеть их не могла, у нее это было что-то вроде фобии, так что она никогда не заходила на семейное кладбище Туэйтов, находящееся за садом в лесу Ло-

¹ Charlie — (англ.).

унхау. Когда в чайных листьях появляется крест, это дурной знак.

— И надо ждать письма. Видишь этот маленький прямоугольник вот тут? — Она наклонила чашку в сторону Бри. — Оно должно прийти уже нынче утром. Тьфу ты! Мне совсем не улыбается тащиться в Хоксхед. — Она посмотрела на стул напротив и изобразила на лице недовольство. — А ведь мне вообще не было бы нужды отправляться туда, если бы ты не перепугала всех почтальонов, так что теперь никто из них не отваживается приходить сюда. — Фрэнсин улыбнулась, чтобы не показать своего раздражения от того, что это гадание на чайных листьях поломало все ее планы на сегодняшний день. — Лучшее беги к своему дереву. И без глупостей, пока меня не будет, ты меня поняла?

Ложка еще раз стукнула по чашке; затем лицо Фрэнсин, словно ласка, быстро обдала волна тепла, и Бри и вылетела через открытую дверь на мерзлый двор, с трех сторон окруженный домом.

Фрэнсин родилась и выросла в Туэйт-мэнор, хотя этот дом был, пожалуй, недостаточно большим, чтобы его можно было называть так¹. Он представлял собой трехэтажное черно-белое наполовину фахверковое² здание, построенное в форме буквы «U» и стоящее на холме в окружении леса Лоунхау. Хотя на его сторо-

¹ В Великобритании словом «тапог» в узком смысле, как правило, называется господский дом, ключевая постройка поместья («тапог» в широком смысле).

² Фахверк — способ постройки, когда основным строительным материалом заполняется деревянный каркас, который не маскируют.

нах имелись две одинаковые башенки, а в середине возвышалась башня с неработающими часами, вид у него был на удивление асимметричный из-за расположения дымовых труб, в беспорядке громоздящихся там и сям. Когда-то в комнатах дома звенели голоса, но теперь в нем жили только Фрэнсин и Бри.

Фрэнсин встала из-за стола, вымыла и вытерла чашку и, пройдя по дому, вошла в темный вестибюль, чтобы надеть пальто. Из выдвижного ящика стола достала немного семян фенхеля и высыпала их себе в карман, затем надела на свое тонкое запястье самодельный браслет из корня лопуха. Она делала это машинально всякий раз, когда собиралась выйти за пределы сада, ведь семена фенхеля и корень лопуха — это отличные средства, чтобы отгонять зло, когда ты куда-то идешь.

Когда Фрэнсин шла по саду, вокруг нее в морозном воздухе клубился туман. Она на секунду замешкалась и оглянулась через плечо, чувствуя, как Ту-эйт-мэнор тянет ее обратно, туда, где безопасно и тепло. Окутанный паутиной тумана, старинный дом словно устало осел, как будто от разрушения его спасало только присутствие в его стенах Фрэнсин.

Ее взгляд упал на дорогу. Та была широкой, и ее гравийное полотно содержалось в порядке, но этот путь до Хоксхеда был длиннее. От дороги отходил проселок и исчезал в лесу Лоунхау, представляя собой всего-навсего что-то вроде темной тропинки, пересеченной выступающими корнями. Но этот лес нельзя было назвать тихим спокойным местом, и так было всегда. Эти древние деревья видели на своем веку так много человеческих страданий и жестокости, что весь лес наполнился стелющимися миазмами злобы.

Фрэнсин зашагала по гравийной дороге, поскольку сомневалась, что ожидающее ее письмо в самом деле может стоить того, чтобы пойти по более короткому пути через лес, где ей вполне может встретиться нечто такое, с чем она предпочла бы не встречаться.

Чем ближе Фрэнсин подходила к Хоксхеду, тем медленнее становился ее шаг.

Расположенному в графстве Камбрия на севере Англии Озерному краю была присуща особая, редкостная красота, а Хоксхед был его жемчужиной, туристической Меккой, уютно расположенной в долине Эстуэйт, красивой, как на открытке, со своими белеными домами с серыми аспидными¹ крышами, теснящимися в узких переулках. Фрэнсин одобряла отсутствие здесь машин; всем им надлежало оставаться на парковке на окраине этой деревни. Нет, она не имела претензий к самой деревне Хоксхед; ей не нравились ее жители, она с давних пор привыкла смотреть на них с опаской, порожденной насмешками, которые она слышала от них с детства.

Стараясь на сутулиться под тяжелыми взглядами прищуренных глаз, смотрящих на нее из всех окон, Фрэнсин шла по узкому, повитому туманом переулку, выходящему на главную улицу.

Она поглядела на свои старомодные часы и вдруг остановилась как вкопанная, прежде чем перейти дорогу, отчего мужчина, шедший сзади, врезался в нее и чертыхнулся.

¹ Аспидная кровля делается из того, что сегодня известно как натуральный шифер, — материала из кристаллической разновидности глинистого сланца, которая называется аспидом.